

© 1991 г.

КАЛАКУЦКАЯ Л. П.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

(в связи с выходом в свет Русско-японского словаря)

Русско-японский словарь [1] является самым большим по объему русско-японским словарем среди публиковавшихся в Японии и один из самых больших двуязычных японских словарей вообще¹. Он содержит около 260 тыс. словарных единиц. Словарь издан компанией Кэнкюся, специализирующейся на публикации двуязычных словарей (ею, в частности, неоднократно издавались большие англо-японские словари). Словарь готовился к печати большим коллективом японских русистов, в большинстве сотрудников Токийского университета иностранных языков и христианского университета Дзёти в Токио. Главным организатором работы был видный японский русист, переводчик художественной литературы, бывший профессор Токийского университета иностранных языков Масанобу Того. Как указывает М. Того в Предисловии, работа над словарем началась еще осенью 1961 г., во многом в связи с ростом интереса к СССР после запуска первого искусственного спутника Земли и полета Ю. А. Гагарина. Однако впоследствии эта работа прерывалась и лишь в 1988 г. словарь увидел свет.

Словарь основан на материале большого количества словарей русского языка. Среди них 28 разного рода словарей, изданных в СССР в 30—80-е годы, а также ряд публиковавшихся в других странах русско-английских, русско-немецких, русско-китайских и русско-японских словарей. Кроме того, использованы некоторые лингвистические работы, в том числе двухтомная Русская грамматика (М., 1980) и фонетические исследования Р. И. Аванесова. Иллюстративный материал, приводимый без указания источников, отражает современное обиходное словоупотребление; все примеры просматривались живущими в Японии носителями русского языка.

Как указывает М. Того в Предисловии, авторы стремились сделать словарь пригодным для как можно более широкого круга пользователей, от обучающихся языку до специалистов. Поэтому в нем совмещены свойства словарей разных типов. Среди всего состава словарных статей около 7500 выделено звездочкой; это наиболее важные и частотные лексические единицы. Таким образом, словарь одновременно может использоваться как учебный словарь-минимум; данные словарные статьи наиболее детальны и обязательно снабжаются иллюстративным материалом. Словарь также имеет и характер энциклопедического словаря, включая многие научно-технические термины и собственные имена (совмещение в одном словаре функций толкового и энциклопедического и помещение в него собственных имен — вообще характерная черта японской лексикогра-

¹ В предлагаемой читателю статье вступительная часть, посвященная общей характеристике Русско-японского словаря, написана В. М. Алпатовым.

фии). См., например, одну из словарных статей (с. 1853): «Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837) (далее в русском переводе. — А. В.) Пушкин — поэт, писатель, заложил основы современного русского языка; дружеские отношения с декабристами; убит на дуэли; „Евгений Онегин“».

Помимо этого, словарь имеет и функции грамматического словаря. В словарных статьях даны указания на тип склонения или спряжения, нестандартные (в том числе в акцентуационном отношении) словоформы даны списком в пределах словарной статьи. На основе детально разработанной системы грамматических помет и приложенных к словарю таблиц словоизменения читатель может получить полную информацию о парадигме.

Наряду с основным корпусом словаря имеются словарь аббревиатур и сокращений (около 1500 единиц), составленный по материалам Словаря сокращений русского языка (М., 1983 г.), и словарь русских личных имен и фамилий (более 2000 единиц). К словарю приложен подробный очерк фонетики и акцентуации русского литературного языка.

*

В Начале было Слово. В начале каждой словарной статьи Русско-японского словаря дано русское слово. Таких слов, как сказано выше, в этом словаре около 260 тысяч. Для сравнения — самый большой словарь русского языка (Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах, М.; Л., 1950—1965; далее — ССРЛЯ) включает 120 тыс. 480 слов². Приближающийся к нему по объему словника Орфографический словарь русского языка в разных изданиях имеет от 106 до 110 тыс. слов. Начатое в 1961 г. строительство моста между столь отдаленными языковыми континентами, какими являются русский и японский языки, было завершено в 1988 г. Каким же предстал с того берега русский язык?

Без преувеличения можно сказать, что открылась картина для русской лексикографии совершенно поразительная. И не только потому, что более чем в два раза был увеличен объем русских слов, представленных в о д н о м словаре, и не только потому, что в русской части Русско-японского словаря явился совершенно непривычный для русской лексикографии т и п словаря, но и, может быть, прежде всего потому, что русское слово в этом словаре, оказавшись в окружении японских толкований, как-то необычайно высветилось, словно мы увидели его через сильное увеличительное стекло. Русское слово в таком окружении оказалось в зоне особого (ясного) внимания, отчего достоинства и недостатки русской лексикографии, послужившей основой для рецензируемого словаря, предстали чрезвычайно высвеченными.

1. Словник. Наиболее непривычным для русской лексикографии моментом явилось включение в общий словник словаря собственных имен: топонимов, личных имен, фамилий деятелей мировой и русской культуры, названий художественных произведений, персонажей этих произведений. Разумеется, авторы и редактор Русско-японского словаря думали о японцах, которым в океане русского языка предстоит иметь дело в равной мере с апеллятивной, топонимической, антропонимической и разной прочей лексикой. Они хотели, чтобы созданный ими словарь оказался

² «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля включает «более двухсот тысяч слов» (М., 1978. с. VIII); словарь В. И. Даля не называется в ряду источников Русско-японского словаря (с. 2763), поскольку последний ориентирован на современные русские словари.

своеобразной логикой в этом плавании, и постарались максимально точно обозначить все рифы, мели и айсберги, которые с неизбежностью встретятся на пути каждого японца, бросившегося в океан русского языка. Это безусловно правильное решение авторского коллектива, и его можно только приветствовать.

Построенный таким образом словник позволяет объективно оценить нашу русскую традицию разделять словари на толковые (лексикографические) и энциклопедические и не нарушать чистоты жанра ни тех, ни других. Но так ли уж бесспорно это разделение? И идет ли оно во благо русскому языку и носителям русского языка, пользующимся этими разделенными изданиями? Ведь в языковом пространстве апеллятивы, топонимы и антропонимы встречаются и сосуществуют вместе. И вот имя *Наполеон* со всей сопутствующей ему (и им, поскольку *Наполеонов* несколько) информацией вы найдете только в энциклопедии, а образованные от него слова *наполеоновский*, *наполеонизм*, *наполеондор* (монета) — в толковых, *наполеон* «пирожное» — только в Орфографическом словаре, а модный в последние годы коньяк *наполеон* — нигде. То же касается королевского имени *Луи* и названия монеты *луидор*, имени императрицы *Екатерины* и названий монеты *екатериновка*, *екатеринка*, *катеринка* и *катенька* (впрочем, названия этой монеты можно найти только в Русско-японском словаре). Как, например, в русских словарях дается слово *бордо*? Оно имеет два значения: *бордо*¹ — вино и *бордо*² — цвет (по вину). Но в действительности здесь в первом значении отсутствует первоначальное слово, послужившее основой для названия, — вино названо по местности *Бордо* (Bordeaux), т. е. по месту произрастания винограда и производства вина. Для вин это один из основных способов их названия: *шампанское* — из *Шампани* (отсюда *советское шампанское* — т. е. не из *Шампани*), *цимлянское* — по названию станции *Цимлянская* на Дону. В толковых словарях (17-томном и 4-томном) приводится прилагательное *бальзаковский* (возраст) при естественно отсутствующей самостоятельной словарной статье *Бальзак*. При толковании вышивки *ришелье* говорится, что она имеет такие-то дырочки и пр. Но разве не существеннее было сказать, что эта вышивка получила свое название по имени кардинала *Ришелье*, который ввел в моду воротники, вышитые соответствующим образом.

Когда в толковых словарях приводятся слова *стол* — *столоваться* — *столоначальник* — *столяр*, то тем самым у носителей русского языка эти слова связываются в определенной последовательности и объясняются одни через другие даже без дополнительных толкований этимологического характера. Но мы нарушаем эту логику языковых связей для слов, образованных от имен собственных. Русско-японский словарь дает *Магомет* (*Мухаммед*) и *магометанин*, *магометанский*, *магометанство* самостоятельными словарными статьями. В наших же лингвистических словарях самостоятельной словарной статьи *Магомет*, разумеется, нет. В ряде случаев такой разрыв приводит к ошибкам: например, *буденовка* вошла в литературный язык с одним *н* (т. е. с орфографической ошибкой), хотя название этого головного убора произошло от фамилии *С. М. Буденного*, пишущейся с двумя *н*. Такое написание *буденовки* колеблет орфографию другого апеллятива, образованного от этой фамилии, — *буденновец* встречается в двояком написании, и с двойным и с одним *н* (например: ...репродукция картины, на которой намалеваны жолнежи Пилсудского, вонзающие штыки в *буденовцев*. — «Эхо планеты», 1989, № 20, с. 13).

Апеллятив *петрушка* и производные от него *петрушечник* и *петрушечный* и выражение *какая-то петрушка вышла* не связываются в созна-

нии носителей русского языка с именем *Петр*. Между тем такая же связь между именем и персонажем народного театра существует и во французском языке. Недавно, к столетию А. А. Вертинского, был поставлен спектакль «Мираж, или Дорога Пьеро», в котором Анастасия Вертинская исполняла роль отца. В афишах спектакля и в газете «Советская культура» (21 марта 1989 г.) *Пьеро* был написан с прописной буквы, между тем в данном случае речь идет не об имени *Пьеро* — а о персонаже народного театра, и здесь по смыслу должна быть строчная буква. Со строчной это слово дается и в Русско-японском словаре. Опять русская лексикографическая традиция разделять имена собственные и апеллятивы проявляется в подобных ошибочных написаниях, она мешает носителям языка сопоставлять в пределах одного словаря *Пьеро* — имя собственное и *пьеро* — персонажа народного театра, лишая их необходимых сведений, которые могли бы быть почерпнуты из обычного толкового словаря, и в результате приводит к орфографическим ошибкам.

При традиционно сложившемся разделении словарей на лексические (толковые) и энциклопедические культурно-языковые потери для носителей русского языка и для всей русской культуры оказываются весьма значительными. Так, даже в четырехтомный Словарь языка Пушкина (М., 1956—1961) не были включены (за редкими исключениями) собственные имена. Но какой же это язык Пушкина, лишенный собственных имен, это по крайней мере уполовиненный язык Пушкина. В результате даже в лучших изданиях Пушкина допускаются грубые анахронизмы. Так, в стихотворениях, при жизни Пушкина не издававшихся и никак у него не названных, появляются названия: *Ек. Н. Ушаковой* («Когда бывало в старину» и «В отдалении от вас»). Эти названия в собраниях сочинений не взяты в угловые скобки, которые являются знаком, что данный текст или даже часть слова не принадлежат Пушкину. В оглавлении такие стихотворения помечены * (звездочкой), но в самом тексте они неискушенным читателем (а их — большинство) могут рассматриваться как принадлежащие Пушкину. Между тем сам Пушкин (и его современники) форму личного имени *Екатерина* могли употреблять лишь по отношению к святой *Екатерине* или императрицам. Достаточно сравнить два пушкинских текста:

На день святой *Екатерины*....

и

Натали, Софьи, *Катерины*...

В такой же мере анахронизмом является название стихотворения, также не печатавшегося при жизни Пушкина — «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной» («Земли достигнув наконец»). Оставим в стороне правомерность появления в названии слова *акафист*, но дочь Карамзина и его жену Пушкин называл только *Катериной Николаевной* и *Катериной Андреевной* и не мог называть иначе в соответствии с языковой нормой своего времени (и в этом названии отсутствуют в тексте угловые скобки).

Казалось бы, что к стихотворениям, не печатавшимся при жизни Пушкина, у редакторов должно быть наиболее осторожное отношение и все непушкинское желательнее отмечать в тексте. Особенно это касается форм личных имен, склонения фамилий. Перерыв в языковой традиции привел к утере нормы, свойственной пушкинскому и более позднему (до начала революции) времени, в результате чего и стали возможными приведенные анахронизмы. Необходимо сказать, что в Русско-японском сло-

варе в списке собственных имен в конце словаря форма личного имени *Катерина* дается как самостоятельно существующая на своем алфавитном месте с отсылкой к форме *Екатерины*.

Анахронизмом для пушкинского времени является и несклоняемая форма фамилии *Хитрово* (несклоняемая форма у этой и подобных ей фамилий типа *Благово*, *Дурново* и др. стала возможной лишь в конце XIX в.) Свои письма Пушкин мог адресовать дочери Кутузова только как *Л. М. Хитровой*. Достаточно сравнить строку из его письма, ставшую названием для его музея — «В доме *Хитровой* на Арбате».

Разумеется, если бы собственные имена были включены в Словарь языка Пушкина, ономастическая норма языка его эпохи стала бы более очевидной, во всяком случае ее легче было бы извлечь из текстов самого Пушкина, собранных вокруг одного имени и разных форм этого имени, и анахронизмы, подобные вышеупомянутым (а также многие другие), не появились бы в собраниях сочинений Пушкина. Поистине — скупой платит дважды, а расплачивается русская культура и все мы вместе с нею.

Вернемся к анализу словника Русско-японского словаря. В нем наряду со словарной статьей *карамазовщина* приводится статья *Карамазовы* [Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы». Фёдор, Дмитрий, Иван, Алёша (Алексей)]. За статьей *Обломов* (И. А. Гончаров. «Обломов») следуют статьи *обломовец*, *обломовский* (обломовский тип, по обломовски), *обломовщина*. Следующий за этими статьями апеллятив *обломок* (обломки корабля, обломки старого поколения) делает для носителя русского языка ка попятным выбор фамилии для Ильи Ильича. В Русско-японском словаре отсутствует *Обломовка*, которая в приведенном ряду была бы уместна, поскольку она имеет те же литературные, психологические и семантические коннотации, что и приведенные в словаре слова.

В Русско-японском словаре дается словарная статья *Ежов Николай Иванович* (1895—1939), за ним следует апеллятив *ежовщина* (1937—1939) — эта фамилия и этот апеллятив отсутствуют пока в наших энциклопедиях и в наших лингвистических словарях. За *ежовщиной* по алфавиту следует прилагательное *ежовый* с фразеологизмом *держать в ежовых рукавицах*. Образующее семантическое микрополе является игрой жизни (и смерти) в отличие от вышеприведенной языковой ситуации с сознательным выбором И. А. Гончаровым фамилии для своего героя. Однако для носителей русского языка эта трагическая игра слов не прошла незамеченной: в 1937 г. появилось выражение *ежовы рукавицы* (Огонек, 1989, № 13) — рукавицы, связанные не с безобидным в сущности ежом, а непосредственно с Николаем Ивановичем Ежовым. Таким образом, русский язык наряду с *ежовщиной* обогатился еще одним образованием от этой фамилии (точнее, от личности, носящей эту фамилию, ведь фамилия ответственности за личность не несет).

Трудно даже представить, как много мы, русские, теряем, разделяя имена собственные и нарицательные (апеллятивы) по разным ведомствам, и как много могли бы приобрести, имея их вместе хотя бы в одном большом словаре. Ведь словарь это не только слова, следующие один за другим в алфавитном порядке, но и целый мир, особая ноосфера, которая заключена, например, в «Словаре живого великорусского языка» В. И. Даля. Даль, очевидно, не боролся за чистоту принципа, не делил русские слова на овец и козлищ. Есть в его словаре и словарная статья на имя *Иван*: «Самое обиходное у нас имя», — пишет он и приводит поговорку. — «Иванов, что грибов поганых». В наших же толковых словарях приво-

дятся лишь апеллятивы от этого имени, например, название растения *иван-да-марья*; но о чем может говорить это слово, когда нет в словарях ни *Ивана*, ни *Марьи*. А этот распространенный цветок, даже и в наше гиблое для всякой растительности время, назван самыми распространенными в России именами. Приводится в толковых словарях *иван-чай*, но при отсутствующем в словарях имени *Иван* и это название лишается своих естественных языковых связей.

В Русско-японском словаре дается и *Иванушка*, и *Иванушка-дурачок*, занимающий, по словам В. И. Даля, «первые места в русских сказках». Это тот *Иванушка-дурачок*, который оказывается в конце концов самым мудрым. В русских толковых словарях, правда, приводится название игрушки *ванька-встанька*, но она имеет в них лишь чисто номинативное значение «куколка в виде круглой или овальной фигурки, которая встает, как бы ее ни положили» и лишена глубинных языковых связей, ненавязчиво проявляющихся в подобных названиях и реалиях национального самосознания (а *ванька-то* опять *встанька*!).

И оказываемся мы в своих словарях «Иванами, не помнящими родства», разрушающими естественную языковую связь слов, а носителей русского языка лишающими тех основных смыслов, которые даются не в толкованиях лексикографов, а появляются сами из соседства слов и всего их окружения и вытекают не непосредственно из значений, а существуют как бы над нами, что и несет в себе сам язык и сохраняет в себе хороший словарь.

Включения собственных имен в словник Русско-японского словаря сделаны с большой тщательностью. В ряде случаев они содержат более правильные рекомендации, чем в источниках, из которых они могли быть извлечены. Например, мужское имя *Илларион* дается в тексте словаря только в написании с двойным *л*. В приводимом в конце словаря сводном списке антропонимов данное имя жирным шрифтом дается с двойным *л*, а светлым, в скобках — с одним. Эта рекомендация сама по себе удивительна, потому что она полностью соответствует распределению двух форм имени в литературном языке: именно нормативной литературной формой является написание с двумя *л*. Оно последовательно сохранялось у всех светских носителей этого имени на протяжении по крайней мере двух веков — XIX и XX (например, *Михаил Илларионович Кутузов*, *Мария Илларионовна Твардовская* и мн. мн. другие), тем не менее рекомендованной всеми антропонимическими словарями («Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского, М., 1966; Справочник личных имен народов РСФСР, М., 1979.) и антропонимическим списком в Орфографическом словаре русского языка была только форма *Иларион* — т. е. каноническая форма имени, принятая у духовных лиц (например, митрополит *Иларион* — автор «Слова о законе и благодати»). В Словаре Н. А. Петровского есть даже следующая загадочная рекомендация: *Иларион*, разг. (sic!) *Илларион* (как будто в этом далеком от ударения слог можно произнести двойное *л*!). Итак, Русско-японский словарь приводит абсолютно правильную рекомендацию для этого имени вопреки неправильным рекомендациям всех русских антропонимических словарей и списков.

Не менее удивительна и другая рекомендация Русско-японского словаря. Во всех советских энциклопедиях фамилия графов *Мусиных-Пушкиных* — Ал. Ив. (1744—1817) историка и археографа — издателя «Слова о полку Игореве» и «Русской правды» и Аполлоса Аполлосовича (1760—1805) — русского химика и минералога имеют ударение на первом слог:

Мусин-Пушкин, как если бы эта фамилия произошла от диминутива *Муся*, а не от *Мусы* («Моисея») — от которого она была произведена в действительности. Происхождение фамилии графов Мусиных-Пушкиных описано в родословных книгах и в работе Н. А. Баскакова [2]. Но главное — произношение этой фамилии хорошо известно по «Моей родословной» А. С. Пушкина:

Я грамотей и стихотворец,
Я Пушкин просто, не Мусин,
Я не богач, не царедворец,
Я сам большой: я мещанин.

Неужели никому из участников работы над тремя изданиями БСЭ и несколькими изданиями однотомного энциклопедического словаря не пришли на память строки «Моей родословной»? Не пришли, хотя в этом же, однотомном энциклопедическом словаре (М., 1984) приводится фамилия *Мусин Рашид Мусинович* (р. 1927) — сов. гос. парт. деятель, а исторически известная фамилия графов *Мусиных-Пушкиных* по-прежнему сохраняет свое ударение *Мусины Пушкины*.

В Русско-японском словаре эта фамилия имеет соответствующее ее происхождению ударение *Мусин-Пушкин*. Она приводится в списке собственных имен в конце словаря на с. 2733. Приходится признать, что японцы лучше знают фамилии наших исторических лиц и лучше знают Пушкина.

Итак, пределы пространства русского языка в Русско-японском словаре сознательно раздвинуты. Представленные в алфавитном порядке 260 тыс. русских слов, апеллятивов и собственных имен составляют культурно-языковое поле невиданной для русской лексикографии силы и обладают высокой степенью толкования уже по одной простой причине, что в нем в одном ряду оказались слова, не находившиеся рядом друг с другом. Образовавшаяся «промежуточная зона» (или «ничейная территория», или «нейтральная полоса») обладает способностью заставить слова «сиять заново».

II. Распределение слов русского языка по ведомствам — лексикографическому и энциклопедическому — создало специфическую ситуацию: разные нормы, разные рекомендации, принятые в том и другом ведомстве. Энциклопедии объединяют вокруг себя специалистов самых разных областей знаний. Эти специалисты, толкуя слова и явления, в которых они хорошо разбираются, не склонны проверять себя по лингвистическим изданиям. Лексикографы, со своей стороны, игнорируют сложившиеся в энциклопедиях специфические нормы, полагая свое ведомство выше. Так к концу XX в. и сложились две, как правило, непересекающиеся, сферы языкового употребления в какой-то мере со своими особыми нормами.

В Русско-японском словаре эти две сферы пересеклись, поскольку среди источников (на с. 2763 указано тридцать семь наименований) названы Большая Советская энциклопедия (в тридцати томах); Советский энциклопедический словарь (изд. 4 е, М., 1986); А. Ф. Трешников, Географический энциклопедический словарь, географические названия (М., 1983); Ал. А. Федоров, Жизнь растений (в шести томах, М., 1974—1982) и др. Поэтому в этом словаре сведены две нормы — лексикографическая и энциклопедическая, — т. е. приводятся варианты слов, сосуществующие в современном русском литературном языке.

Приведем некоторые примеры. Так, слово *каббала* в значении «средневековое мистическое учение в иудаизме» во всех русских и советских

энциклопедиях, начиная с Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона (двух изданий), и далее — в трех изданиях Большой Советской энциклопедии, в Советском энциклопедическом словаре (М., 1980), в энциклопедическом словаре Мифы народов мира (в двух томах, М., 1980), в Философском энциклопедическом словаре (М., 1983) приводится с двойным *б*. Двойное *б* последовательно дается не только во всем гнезде слов — *каббала*, *каббалистика*, *каббалист*, *каббалистический*, но и сохраняется во всем корпусе энциклопедий (например, БСЭ-3, т. 11, с. 95; т. 18, с. 348; Филос. энцикл. словарь, с. 238, 438 и т. д.).

Во всех изданиях Орфографического словаря, в Орфоэпическом словаре (М., 1983), во всех толковых словарях (кроме Словаря под ред. Д. Н. Ушакова и ССРЛЯ) это слово и его производные даются с одним *б*.

В Русско-японском словаре оба эти орфографических варианта даются на своем алфавитном месте: *кабала*² и *каббала* = *кабала*². Так же дается и слово *эпитимья* и *эпитимия* = *эпитимья* (следует отметить, что слово *эпитимья* дано в словаре с неправильным ударением; чаще это слово при таком написании имеет ударение *эпити́мья*).

Показательна судьба лексикографической фиксации слова *эпити́мья* (*эпитимья*). Слова с начальным греческим *επι...* имели в русской литературной традиции двойную транскрипцию — с *эпи...*: *эпизон*, *эпиграф*, *эпиграмма*, *эпилог*, *эпистолярный*, *эпиталама*, *эпитафия*, *эпитет* и т. д. и с *эпи...*: *епископ* (ср. *эписко́п* — прибор), *епархия*, *эпитрахиль* и др. *Эпитимия* (*эпитимья*) имела в литературном языке два основных варианта, связанных с двойкой транскрипцией начального греческого *επι...* В Словаре языка Пушкина приводится только вариант *эпити́мья* и сопровождается несколькими примерами. В трех изданиях БСЭ жирным шрифтом дается *эпити́мья* и в скобках светлым *эпитимья*. Во всех лингвистических словарях дается только одна форма — *эпитимья́* (кроме ССРЛЯ, в котором указываются оба варианта).

Приведенные примеры сосуществующих в литературном языке вариантов слов *кабала* — *каббала* и *эпитимья* — *эпитимия* представляют собой лишь часть из достаточно обширного ряда подобных вариантных форм слов. Но и они наглядно демонстрируют ригористический подход лингвистических словарей в вопросах нормативных рекомендаций. Этот подход может быть охарактеризован несколько видоизмененной формулой: «Другого не дано!». Признается правильным и рекомендуется всегда только один из сосуществующих в языке вариантов, что безусловно обедняет картину реального языкового мира³.

Что же остается за пределами рекомендаций лингвистических словарей? Для вариантов *эпитимья́* — *эпити́мья* только *эпити́мья* встречается у А. С. Пушкина («Капитанская дочка»), у В. А. Жуковского (Не пишу сам, потому что теперь на целый месяц наложил на себя *эпитимию* молчания. — Из письма), в разных рассказах А. П. Чехова (Ефрем стал объяснять Кузьме, что нужно сделать, чтобы загладить грех: нужно покаяться попу и наложить на себя *эпитимию*. — «Встреча», а также «Панихида» и др.), у В. Я. Брюсова (Врубель, смутясь, ответил, что на него наложена *эпитимья*. — «Последняя работа Врубеля») и мн. другие.

В отношении вариантов *кабала* — *каббала* см., например, у А. И. Герцена: «План войны был нелеп, это знали все, кроме Наполеона...; на все

³ Подобный упрощенный взгляд на язык непрямым образом связан с социальным сознанием. «Центральной характеристикой тоталитарного сознания представляется вера в простоту мира. Стереотипы могут быть позитивными или негативными, но они всегда представляют собой фатальное обеднение реального многообразия мира...» [3].

возражения он отвечал *каббалистическим* словом „Москва“; в Москве догадался и он» («Былое и думы»). В энциклопедическом словаре «Мифы народов мира» в статье «Иудаистическая мифология» о *каббале, каббалистах, каббалистической* литературе пишет С. С. Аверинцев, естественно, не справляясь о написании хорошо известного ему слова в Орфографическом словаре. Не выглядят ли в данном случае Орфографический словарь, Орфоэпический словарь (и следующие за ними толковые словари) как поручик Ромашов, который один идет в ногу? Представляется, что когда лингвистическими словарями — Орфографическим, Орфоэпическим, толковыми фиксируются слова типа *епитимья* — *эпитимия, кабала* — *кабала*, орфографическая и орфоэпическая нормы для них должны быть более гибкими. Письменный литературный язык имеет протяженность около двухсот лет, связанные с этой протяженностью во времени колебания в написании (и ударении) некоторых слов нельзя выровнять до примизны телеграфного столба, оставляя, таким образом, за чертой орфографической и орфоэпической норм высокие образцы литературного языка, имевшие и имеющие различающиеся написания и произношения, в каких бы жанрах они ни встречались — в художественной прозе, в художественном чтении или в энциклопедиях.

Русско-японский словарь, имея в числе своих источников и русские лингвистические словари и русские энциклопедии, строит на их фундаменте общий словник, и его рекомендации оказываются менее ригористичными и более адекватными языковому употреблению. Стоило бы воспользоваться опытом Русско-японского словаря.

Вообще следует отметить внимание Русско-японского словаря к реальному употреблению слов в языковой практике. Поразительно, но словарь отмечает варианты, игнорируемые русскими словарями. Так, например, ни в одном словаре нельзя найти написания *мэтр* для значения «учитель, наставник», в то время как в печати соотношение написаний *мэтр* и *метр* равняется примерно как девять к одному, т. е. практически во всей периодической печати (в газетах, журналах, книгах) слово в этом значении пишется через *э* — *мэтр* (рекомендации словарей, как видим, игнорируются), Русско-японский словарь на своем алфавитном месте приводит это написание.

Или давая при *Сан-Франциско* прилагательное, Русско-японский словарь приводит его в двух формах: *сан-францисский, сан-франциский*. Этого прилагательного нет ни в Орфографическом, ни в Орфоэпическом словаре — в энциклопедиях оно дается в одной форме — *Сан-Францискская конференция, Сан Францисский мирный договор*. Однако выбор из двух возможных прилагательных условен и безусловен, если всеми словарями даются параллельно прилагательные *дамасская сталь, но баскский язык*. Логично, что в языковой практике существует и второе прилагательное — *сан-францисский*; например: Думаю, пора бы посвятить полосу ... о. Иоанну *Сан-Францискскому*, урожденному князю Шаховскому (Андрей Вознесенский в Лит. газ. 6 сент. 1989 г.).

III. Словник Русско-японского словаря имеет еще одну непривычную для русской лексикографии характеристику: семь с половиной тысяч слов помечены в нем звездочкой (ею отмечается только аппеллятивная лексика) — так выделен в нем, если пользоваться терминологией известной сталинской статьи, «основной словарный фонд языка». Для русского читателя словаря остается неясным, почему были выделены именно эти слова, чем объясняется именно такое их количество и на основе каких источников они выделялись. Все это составляет тайну словаря. Но сама

эта тайна нисколько не мешает возможности получения разного рода абстрактных и конкретных лексикографических сведений о данном континуме слов и его соотношении со словником в целом.

Прежде всего, естественно возникает вопрос, семь с половиной тысяч слов — это много или мало? Так, например, в статье Ген. Хохрякова «Мафия в СССР» (Юность, 1989, № 3) было сказано, что «среднестатистический современный человек употребляет в обиходе не более полтора-два слова». «Краткий толковый словарь» под ред. В. В. Розановой (М., 1985, изд. 4-е, стереотипное) содержит «примерно 5000 слов» (с. 4), а словарь под ред. Н. М. Шанского называется «4000 наиболее употребительных слов русского языка» (М., 1981, изд. 2-е). Эти два словаря представляют хороший материал для сравнения. Таким образом, семь с половиной тысяч слов, отмеченных звездочкой в Русско-японском словаре, — это в полтора-два раза больше, чем приводится в наших словарях употребительной лексики. Для наглядности сопоставим некоторые примеры из этих словарей, например, слово *добрый*, которое дается во всех трех словарях.

Словарь по ред. Шанского: *добрый* (-ая, -ое, -ые; кр. ф. добр, добра́, до́бро, до́бры и до́бры) *кач. прил.* 1. Добрый человек. Добрая женщина. Доброе сердце. Добрые глаза. Вы очень добры ко мне. Будьте добры закройте за собой дверь. 2. Добрый день! Добрый вечер! Доброе утро! Желать доброго здоровья.

Словарь по ред. Розановой: до́бр/ый-, -ая, -ое, -ые: добр, добра́, до́бр/о-ы и до́бры. Такой, который всегда готов сделать для других что-н. хорошее, полезное, который относится к людям с расположением, сочувствием; выражающий такое отношение; противоп. зло́й (в 1-м знач.). Добрый человек. Добрая улыбка. Добрые глаза. ◇ Доброе утро (с добрым утром), добрый день, добрый вечер — приветствия при встрече (утром, днем, вечером). Всего доброго, см. Весь. По доброй воле — добровольно, по своему желанию.

Русско-японск. словарь: до́брый, добр, добра́, до́бро, до́бры/добры́, до́брее, до́брейший 1 а) (↔ злой). до́брый человек [друг, муж] / ~рое сердце / человек с ~рым характером / Он до́бр ко мне [со мной] / Она была так ~бра́, что обещала мне помочь в) / ~рое (добро́¹ 1) с) с ~рым лицом матери / до́брый голос / ~рые глаза / ~рая улыбка. 2. До́брый совет / ~рое отношение / сделать кому ~рое дело / От него слова ~рого' не услышишь. 3 а) (благоприятный): ~рые известия / Добрый знак / Он принес нам ~рую весть / в ~рую минуту. 4. (близкий): мой до́брый знакомый / наши ~рые друзья / ~рые отношения / ~рое знакомство. 5. а) (отличный): до́брый ужин / ~рое вино / до́брый конь в) ~рое старое время / ~рая традиция / в ~рую пору с) (добротный): ~рая сабля. 6. /люди, человек, молодец / а) до́брый молодец в) Люди добрые! 7. (безупречный): Он в ~ром здоровье / ~рое имя / оставить о себе [по себе] ~рую память / Д ~рая слава лежит, а худая (по дорожке) бежит. 8. (целый); (большой): Я просидел там ~рых два часа / До города ~рых пять километров / Ей ~рых шестьдесят лет / ~рая краюха хлеба / ~рая половина дохода. 9. (настоящий): Давно уже не было ~рого дождя.

◇ до́брый гений чей → гений. До́брый вечер! До́брый день! До́брой ночи! (Спокойной ночи). До́брое утро! до́брый малый. До́брого здоровья! ~рая душа. Всего до́брого! чего ~рого (пожалуй, возможно): Пойдем скорее, а то чего ~рого, дождь начнется. *Будь добр; будьте добры (добры): Будьте ~бры*, два черных кофе / *Будьте ~бры* прислать мне эту книгу (= *Будьте ~бры* пришлите мне эту книгу) (быть) в ~ром здоровье, по ~рой воле (добровольно): Он это сделал не по ~рой воле, а по принужде-

нию. Люди ~рой воли. твоя [его] ~рая воля (Как тебе [ему...] угодно). В дббрый час! = Час дббрый! В дббрый путь! поминать ~рым словом кого.

◆ бюро ~рых услуг. мыс Доброй Надежды.

Это одно-единственное слово (хотя словарь настолько хорош, что хотелось бы приводить и приводить из него примеры) позволяет ощутить разницу. Во-первых, — отсутствуют формы сравнительной и превосходной степени в двух русских словарях, во-вторых, и это очень важно, выделенные звездочкой семь с половиной тысяч слов даются в Русско-японском словаре по языковому максимуму — с учетом нюансов толкований, возможных сочетаний, фразеологизмов, и, в-третьих, и это также представляется нам чрезвычайно важным, в двух русских словарях отсутствует слово *добро* — т. е. то основное слово, которое позволяет толковать образованное от него прилагательное *добрый*. Это сознательный выбор авторов русских словарей — при *злой* отсутствует *зло* и т. п. Скорее всего по каким-либо показателям, в том числе и частотным, *добрый* и *злой* встречаются чаще, чем *добро* и *зло*. Но по естественному языковому чувству стоит ли давать *здоровый* наряду со *здоровьем*, а *добрый* и *злой* при отсутствии самих основополагающих категорий и определяющих их слов *добро* и *зло*? В русско-японском словаре *добро* и *зло* отмечены звездочкой наряду со словами *добрый* и *злой*.

Эти по необходимости беглые и поверхностные сопоставления все же наводят на размышления о словарях-минимумах русского языка. Какой минимум русского языка получают носители других языков? И дело даже не в иностранцах, а в том, какой минимум русского языка получают носители других языков в пределах СССР. Кроме выбора слова (а сам этот выбор чрезвычайно важен), какова «глубина» словарных статей этих словарей-минимумов?

Попытаемся ответить на эти вопросы, пользуясь для сопоставления материалами отмеченных звездочками слов Русско-японского словаря.

При отсутствии слов *добро* и *зло* словаря-минимумы логично не включают и слово *бог*. Собственно, в словаре Розановой это слово дается, но в таком объеме: бог, -а, мн. боги, богов, м. По религиозным представлениям, верховное существо, которое создало мир и управляет им. ◇ Верить в бога. В Словаре Шанского этого слова нет. В Русско-японском словаре слово *бог* имеет полторы колонки текста, набранного непарелью, со всеми используемыми в русском языке словосочетаниями и фразеологизмами и с возможными и допустимыми их вариантами, включая: *Вот тебе бог, а вот порог* (Убирайся вон), *бог несет, бог не обидел...* *Помогай бог!* *Бог в [на] помочь [помощь]*, *чем бог послал* (как придется), *Отдать богу душу, богом обиженный* и т. д. и т. п.

Отсутствует в словарях-минимумах и слово *грех*, отмеченное в Русско-японском словаре звездочкой⁴. Таким образом, тематическое поле нравственно-этической лексики с основополагающими категориями добра и зла, с темой греха, с понятием Бога как основы нравственного начала представлено в словарях-минимумах более чем фрагментарно. Показателен и такой факт: в словаре «4000 наиболее употребительных слов русского языка» отсутствует слово *терпение* (*терпеливый* и *терпеть* в нем даны). Вряд ли, однако, стоит выбрасывать из памяти тост, произнесенный И. В. Сталиным в 1945 году, — после победы он пил за терпение русского народа, отмечая терпение как черту национальную (ср.: «...Или общена-

⁴ Хотя об употребительности этого слова может, в частности, свидетельствовать следующий факт: оно входило в песню на стихи С. Васильева — «Фуражечка, фуражечка, носить тебя не грех».

мятный тост, в котором деспот благодарил свой терпеливый народ за то, что тот терпит его деспотию». — Ст. Рассадин, Огонек, 1990, № 43). Представляется, что в «4000 слов» в гнезде с *терпеть* и *терпеливый* следовало бы оставить русскому языку и слово *терпение* (в словаре-минимуме под ред. Розановой это слово присутствует). Оно, разумеется, отмечено звездочкой в Русско-японском словаре, в котором есть и *мое терпение лопнуло*, *потерять с ним всякое терпение*, *ангельское (адское, дьявольское) терпение*, *переполнить чашу терпения* и мн. др. Существенно также, что в Русско-японском словаре в рассматриваемом словарном гнезде отмечено звездочкой и слово *терпимый*.

Отсутствуют в словаре «4000 наиболее употребительных слов русского языка» слова *дух* и *душа*, *достоинство*, а слово *честь* имеет такую статью: 1. Честь Родины. Защищать свою честь. Дело чести. Выполнить задание, обязательства с честью. 2. Высокая честь.

Объективным комментарием к этой социальной и языковой ситуации являются слова Виктора Мережко в статье «Служить истине», помещенной в «Правде» (28 апр. 1989 г.) в рубрике «Наш собеседник»: «Не стало чести, ушло и достоинство. И стала возможной терпимостьк унижениям».

Поразительная одномерность русского языка, представленного в словарях-минимумах, разумеется, может быть объяснена временем их создания и выхода в свет, оба эти словаря вышли в 1978 г.⁵ Но эта же одномерность словарей-минимумов в свою очередь оказывается одной из причин весьма непростых социальных явлений — представленному в них русскому языку не хочется учиться⁶. «Не случайно, когда потом комиссия проверяла один из факультетов КазГУ, то оказалось, что только единицы из студентов сумели написать диактант для девятого класса на четверку. Остальные слелали столько ошибок, что и подсчитывать их количество стыдно» (Вл. Калинин, Ю. Щекочихин, Командировка по высокому вызову. — Лит. газета, 1989, 12 апр.).

Разумеется, то, о чем шла речь в Лит. газете, — социальная проблема, но и от лингвистов, лексикографов тоже может что-то зависеть. Словари минимумы не научают, а, скорее, отталкивают от обучения. Русский язык в них предстает плоским — его трудно полюбить. При этом сам русский язык, а вместе с ним и его носители оказываются поистине без вины виноватыми. Не этим ли «уплощенным» русским языком объясняется наша тяга к В. В. Набокову: «Главное наслаждение произведений Набокова — осязать заповедный русский язык, незагазованный, не разоренный вулгаризмами, отгороженный от стихии улицы, кристальный, усадебный, о коем мы позабыли, от коего, как от вершинного воздуха, кружится голова» [4].

Вернемся, однако, к анализу выделенных звездочкой семи с половиной тысяч слов в Русско-японском словаре. Удивительным первоначально по-

⁵ В качестве источников отбора лексики для словаря «4000 наиболее употребительных слов русского языка» были использованы частотные словари и списки слов русского языка, словари-минимумы для нерусских учащихся, краткие двуязычные словари, тематические словари и т. д. (с. 5).

⁶ Впрочем, в Предисловии к словарю «4000 наиболее употребительных слов русского языка» сказано: «Изучение русского языка дает возможность ознакомиться с русской культурой, литературой, наукой, техникой, открывает большие возможности для сотрудничества, установления связей и контактов, сближения народов и их взаимного обогащения. Русский язык представляет интерес и как один из самых богатых и развитых языков мира. Необычайно богат его лексико-фразеологический состав и грамматический строй» (с. 5).

казался факт, что звездочкой в этом словаре помечено слово *халатный* в значении «небрежное отношение к службе». В обоих словарях-минимумах приводится только слово *халат*. Между тем данное значение слова *халатный* выделено закономерно — оно, безусловно, является одним из наиболее употребительных слов последних десятилетий. Приведем некоторые примеры: в Лит. газете описывается должностное преступление: «Да-да, виноват в *халатности*, признавал Сороко, забыл сделать опись. Только в *халатности*, не более...» (22 марта 1989 г.).

Должностное преступление квалифицируется наиболее распространенным словом — *халатный, халатность*. Примеров — великое множество. «Трудно поверить, что все это происходило из-за *халатного* отношения к жилищным проблемам москвичей. Пустые квартиры оставались специально, первыми получали жилплощадь „нужные люди“» (Веч. Москва, 1989, 15 февр.). В книге Б. Ельцина «Исповедь на заданную тему» (М., 1990) слово *халатность* дважды встречается на одной странице (с. 26): «Оказалось, что шарниры, по *халатности*, поставили на заводе наоборот... Или еще одна критическая ситуация. Когда камвольный комбинат сдавали, вдруг, практически за сутки, выяснилось, что опять-таки из-за разгильдяйства, *халатности* не построили метров 50 подземного перехода из одного корпуса в другой». В «Правде» от 28 марта 1989 г. в заметке «Цена *халатности*» речь идет о пожаре в Омской гостинице, приведшем к человеческим жертвам. В другой статье «Трижды, менее чем за сутки „Скорую“ вызывали одни и те же люди, состояние которых все ухудшалось. Что же это такое — некомпетентность, *халатность*?» — ставится вопрос в статье «„Скорая“, но не помощь» в Известиях от 27 апр. 1989 г. В «Правде» от 30 апр. 1989 г. в статье «Чувствую чужую боль (разговор с Джуной)» говорится: «Ведь практически любая болезнь — следствие нашей *халатности* по отношению к своему организму». В «Московской правде» обсуждается вопрос «из-за чьей *халатности* произошло возгорание». В «Вечерней Москве» (1989, 12 июня) заметка называется «*Халатность* в одеждах обещаний». Практически ни один номер газеты не обходится без слов *халатное* отношение, *халатность*. Эти слова стали лакмусовой бумажкой нашего времени. В Уголовном кодексе РСФСР статья 172 истолковывается — за *халатность* (Сов. культура, 1989, 1 июня) — ср. у Евгении Гинзбург: «Позднее выяснилось, что он бытовик, сидевший не то за растрату, не то за *халатность*» («Крутой маршрут» — Даугава, 1989, № 5). Практически ежевечерне слова *халатный, халатность* звучат в передачах Центрального телевидения; они постоянно звучали и на Съездах народных депутатов СССР и РСФСР и на заседаниях Верховных Советов: «Все больше депутатов разными путями подходят к главной теме: к размышлениям о том, что делает неполноценной систему, в которой мы живем. Систему, воспроизводящую *халатность*, равнодушие, безответственные решения, некомпетентность» (Новое время, 1989, № 24). Можно только поражаться точности выбора Русско-японского словаря, пометившего слово *халатный* звездочкой (правда, сущ. *халатность* звездочки не имеет).

Выделение наиболее употребительных слов в толковых словарях каким-либо знаком и приведение толкований таких слов по языковому максимуму, как это делается в Русско-японском словаре, могло бы быть полезным и для носителей русского языка и раздвигало бы наши представления о конкретном языковом срезе.

IV. Толковые словари делятся по приводимому ими иллюстративному языковому материалу на словари, построенные на авторских (хороших и всяких) текстах, и словари речений, построенные на употреблении,

выбранных лексикографом из существующих в языке или составленных им самим. В чистом виде авторских словарей нет. Даже ССРЛЯ не все значения иллюстрирует авторскими текстами. Русско-японский словарь не использует авторских текстов для иллюстраций. В словаре в качестве иллюстраций приводятся лишь сложившиеся устойчивые сочетания, фразеологизмы, поговорки. В этом отношении Русско-японский словарь оказывается ближе всего к словарю В. И. Даля, который, напомним, не входит в число источников. Однако при чтении Русско-японского словаря не покидает ощущение, что в русской его части читаешь Даля, раздвинувшего свои временные языковые границы и включившего язык XX в. Приведем хотя бы некоторые примеры. Общеизвестна любовь японцев к чаю, многовековой традицией освящена культура японского чаепития, поэтому приведем словарную статью, посвященную слову *чай* (принадлежит к группе слов, отмеченных звездочкой): *чай, *ча́я* / ча́ю, в ча́е / в чаю́; чай, чаёв 1. куст [кустарник] *ча́я* / плантация *ча́я* / выращивать чай. 2. чёрный чай / зелёный чай / мелкий чай / кирпичный чай / байховый чай / липовый чай / цветочный чай / фруктовый чай / китайский чай / цейлонский чай / пачка [коробка] *ча́я* [ча́ю] / сбор *ча́я* / разные сорта *ча́я* / заварить чай / заварить крепкий чай / насыпать чай в чайник / Чай кончился. 3 а) крепкий чай / свежий чай = чай свежей заварки / некрепкий [жидкий] чай / ароматный [душистый] чай / остывший чай / спитой чай / чай с молоком / чай с лимоном / аромат *ча́я*, стакан *ча́я* [ча́ю] / стакан крепкого *ча́я* / пить чай / выпить *ча́ю* / приготовить чай [ча́я, ча́ю] / отказаться от *ча́я* [ча́ю] / налить чай [ча́я, ча́ю] / согреть [подогреть] чай / угостить кого *ча́ем*... / разливать чай / разнести чай / напоить кого *ча́ем*... в) морковный чай. 4. (чаепитие): утренний чай / устроить чай / позвать кого к ча́ю / за ча́ем / после *ча́я*.

◇ Чай да сахар! = Чай и сахар! = Чай с сахаром! гонять чай. за чайной *ча́я* = за ча́ем: беседовать [разговаривать] за ча́ем. на чай = на ча́шку *ча́я* (пригласить, звать). давать на чай: дать мно́го на чай. брать [получать] на чай. пить чай *внакла́дку* [вприку́ску]. пить чай *впригля́дку*.

◆ аптекарский чай. иезуитский чай. [жидкий. — К. Л.]. канадский чай [? — К. Л.]. чагирский [монгольский] чай.

Разработанная авторами Русско-японского словаря словарная статья *чай* не повторяет ни одного русского словаря. Она является самым полным набором существующих в современном языке словосочетаний с этим словом. Отсутствует только сочетание *индийский чай*, которого, впрочем, нет ни в одном русском толковом словаре, кроме «Учебного словаря сочетаемости» (под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина, М., 1978). Разработка сочетаемости со словом *чай* сделана исключительно в интересах пользователя (т. е. японца) данного словаря. Но и русского читателя не может не восхитить полнота по крупицам собранного материала, который служит хорошим путеводителем и по современной и по классической литературе, напоминая нам, русским, сочетания: *пить чай внакладку, вприкуску, вприглядку* и мн. мн. другие.

Так же тщательно разработана статья, посвященная слову *дом* (отмеченному звездочкой). Эта статья имеет в два раза больший объем, чем приведенная статья о чае. Кроме того, отдельной самостоятельной статьей (также со знаком звездочки) даются *дома* и *домашний* (в последнем выделяется 7 значений), а также другие образования от данного слова. Это позволяет представить, с какой степенью полноты разрабатываются словарные статьи в рецензируемом словаре, включаящем, как уже говорилось, 260 тыс слов.

Не имея возможности (по соображениям объема) сравнить материалы словарной статьи *дом*, сопоставим меньшую по объему словарную статью **дóма* в словарях, построенных на материале речений. Поскольку это словарная статья, даваемая со знаком звездочки, сравним ее со словарными статьями уже цитировавшихся словарей наиболее употребительной лексики.

Словарь под ред. Н. М. Шанского: *дóма*, наречие. Работать. заниматься дома. Сидеть дома. Забыл дома тетрадь, книгу. Вот мы и дома! Да, он сейчас дома. В воскресенье я был дома. Когда ты будешь дома? Его нет дома. Чувствовать себя как дома.

Словарь под ред. В. В. Розановой: *дóма*, нареч. У себя в доме, в своей квартире. Сидеть дома. Вечером меня не будет дома. Я забыл дома книгу.

Русско-японский словарь: **дóма* 1. (у себя в дóме): Он никогда не бывает *дóма* / Вечером мы обычно *дóма* / сидеть *дóма* (безвыходно) оставить [забыть] журнал *дóма* / Ее нет *дóма* / Она осталась *дóма* / Я буду *дóма* поздно, Вот мы и *дóма* / В гостях хорошо, а *дóма* лучше, *Дóма* и солома съедома [едома] / *Дóма* (и) стены помогают. 2. (на родине).

◇ как *дóма* (быть, чувствовать себя) (свободно): Будьте как (у себя) *дóма*. не все *дóма* у кого (глуповат): У него, кажется, не все *дóма*.

Сопоставим материалы еще одной словарной статьи — *лагерь*.

Словарь под ред. Н. М. Шанского: *ла́герь* (-я) м. 1. (мн. -я́, -ей). Пионерский лагерь. Молодежный лагерь. Поехать в лагерь. Приехать из лагеря. Быть, находиться, отдыхать в лагере. 2. (мн. -и, -ей). Международный лагерь борцов за мир. Страны империалистического лагеря. Борьба противоположных лагерей.

Словарь под ред. В. В. Розановой: *ла́герь*, -я, мн. лагерья́, -ей. Место за городом, где останавливаются для отдыха и где временно живут, обычно в палатках, в небольших домах. Лагерь туристов. Провести отпуск в спортивном лагере. (Пионерский) лагерь — учреждение для летнего отдыха школьников в СССР. Отправить сына в пионерский лагерь.

Такое упрощенное истолкование этого слова и всех других слов, представленных в словарях наиболее употребительной лексики, адресованных иностранцам, тем более странно, что само это слово заимствуется из немецкого языка — *Lager*. Вот как толкуется оно однотомным Советским энциклопедическим словарем (М., 1984): специально оборудованное место размещения войск вне населенных пунктов. Далее отдельными статьями даются *лагерь концентрационный*, *лагерь пионерский*, *лагерь римский*.

Таким образом, в словарях наиболее употребительных слов русского языка берется лишь часть значений слова.

Параллельно в самом языке у слова *лагерь* накапливаются значения, не отражаемые словарями. Приведем в качестве доказательства этого свидетельства русских писателей. Виктор Мережко в уже упомянутой статье: «А летний отдых для школьников — пионерские лагеря с уныло казенной, казарменной атмосферой, регламентированными „радостями“? Одно на звание чего стоит — лагерь, какие ассоциации оно вызывает. Каждый раз, когда слышу от когонибудь — отправил своих детей в лагерь, испуганно вздрагиваю...». Андрей Битов («Близкое ретро, или комментарий к общеизвестному» — Новый мир, 1989, № 4): «Впрочем, пионерский лагерь — тоже лагерь».

Слово *лагерь* оказалось вдруг в зоне особого внимания: «Где окажется народ? Несколько раз выбирала Россия „лагерь“. И вовсе не всегда „концентрационный“, нет. „Военный лагерь“ „Лагерь мира“. Так складыва-

лась история» (Лев Аннинский — Олег Михайлов. Имена и псевдонимы. — Лит. газ. 1989, 25 окт).

Представляется, что русский язык, поданный в словарях наиболее употребительной лексики в подобном «отредактированном» виде, где значения русских слов из развесистых дубов обстругиваются до прямызны телеграфных столбов, не может не вызывать у тех, кому эти словари адресованы, естественного отталкивания, отторжения уже по одному тому, что в них представлен не естественный язык с его богатством значений, а некий искусственный язык, в своем роде некий эсперанто по мотивам русского языка.

В Русско-японском словаре слово *лагерь* дается со всеми значениями. Приведем их: **лагерь*, -ри / -рй 1. (-рй) а) военный *лагерь* / место расположения *лагеря* / разбить [раскинуть] *лагерь* / стоять [расположиться, остановиться] *лагерем* / поехать в *лагерь* / быть [находиться] в *лагере* / отдыхать в *лагере* / вернуться в *лагерь* / жить в *лагере* / снять *лагерь*. б) туристский *лагерь* / альпинистский *лагерь* / летний *лагерь* / спортивный *лагерь* / студенческий [молодежный] *лагерь*. 2. (-рй) *лагерь* для военнопленных / исправительно-трудовой *лагерь* (= концентрационный *лагерь*) / *лагерь* смерти / поместить кого в *лагерь* / бежать [вырваться] из *лагеря*. 3. -(ри): *лагерь* социализма = социалистический *лагерь* / враждующие *лагери* / принадлежать к разным *лагерям* / внести раскол в *лагерь*.

◇ *действовать на два лагеря*.

◆ пионерский лагерь.

Итак, Русско-японский словарь построен на речениях. В нем представлены те «речения», которые образовались в процессе жизни народа — не искусственные словосочетания, приводимые в плохих учебниках по языку, которыми мы в естественной языковой жизни избегаем пользоваться из-за их искусственности, а словосочетания, если так можно выразиться, настоянные на народном самосознании, почти пословичного характера, т. е. то, что принято называть «устойчивыми словосочетаниями». По этой причине чрезвычайно возрастает ценность этого словаря не только потому, что он адекватен русскому языку и в таком качестве адресуется японцам, изучающим русский язык, но в равной мере он чрезвычайно ценен для русской лексикографии, потому что подобным образом прокомментированы в нем более двухсот шестидесяти тысяч русских слов.

V. Русско-японский словарь представляет собой комплексный тип словаря. Эта комплексность определяется задачами словаря — дать объективное представление японцам, владеющим языком совершенно иного типа, о русском языке, о его произносительных особенностях и его акцентологии.

О необходимости комплексного словаря русского языка в последнее время стали говорить на специальных лексикографических совещаниях (например, в Воронове, в Звенигороде и др.), но самого такого словаря в русской лексикографии XX в. не было⁷. Тем интереснее проанализи-

⁷ В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова при некоторых словах эпизодически даются произносительные пометы: так, например, слова *метрдотель*, *метрополитен* имеют помету [мэ], но слово *метр* в третьем значении «учитель, наставник», сопровождаемое пометой (книж. устар.) (последнее, во всяком случае, не соответствует современной употребительности этого слова), не имеет произносительной пометы [мэ]; хотя именно при этом слове такая помета была бы уместна, потому что из трех значений данного слова только в третьем значении оно произносится с несмягченным [м], что и вызвало современное написание его в печати, вопреки рекомендациям всех лингвистических словарей, как *метр*.

ровать, что же дается в произносительной и акцентологической частях Русско-японского словаря.

Произносительная характеристика слов.

Среди материалов, на которых основывается рецензируемый словарь в области произношения и ударения, названы два словаря под ред. Р. И. Аванесова, словарь Д. И. Алексеева, Грамматический словарь русского языка А. А. Зализняка и последнее издание (М., 1984) Словаря ударений для работников радио и телевидения под ред. Д. Э. Розенталя (см. с. 2763).

Главная трудность, которая встала перед японскими лексикографами, заключалась в том, что объем слов словарей, дающих орфоэпическую информацию, неизмеримо меньший, чем в японском словаре: Орфоэпический словарь включает около 63 500 слов, а Словарь ударений для работников радио и телевидения — около 75 тыс. словарных единиц (вместе с именами собственными). Эти словари, таким образом, охватывают четверть представленных в японском словаре слов. Для не охваченных орфоэпической информацией трех четвертей русских слов японским лексикографам приходилось находить выход собственными силами. В Русско-японском словаре для передачи произношения используется транскрипция, принятая в англоязычных словарях. Способы этой чрезвычайно продуманной и экономной передачи описаны в Русско-японском словаре в восьми пунктах (в восьмом дается произношение сокращенных слов и аббревиатур) (с. VII—VIII). Покажем хотя бы некоторые моменты этой передачи: несмягченное произношение согласных в ударном слоге передается [dé], например *демос*, а смягченное [d'é] — *академия*; в безударном слоге используется другой способ передачи: [de] — несмягченное произношение, а [di] — смягченное, например: *депо* [de-/di-], т. е. указывается возможность вариантного произношения данного слова (ср. в Орфоэпич. словаре: *депо* [дэ и дел]). Русск. [шн] передается как [ʃn], а русск. [чн] — [tɕ'n], например, в *конечно* — вводн. слово и *конечный* — прил. и т. д.

Для собственных имен произношение приводится лишь в редких случаях, т. е. в тех, когда оно дано (весьма выборочно и непоследовательно) во второй части Словаря ударений для работников радио и телевидения, в которой представлены имена собственные. В последнем, например, указывается несмягченное произношение согласных в имени и фамилии Фридерика Шопена — *Шопэн Фридерик* [пэ, дэ], но не дается никаких указаний на произношение в непосредственно следующей за *Шопеном* фамилии *Шопенгауэр*; в *Деметер* дается произношение [дэмэтэ], а в нижеследующей *Деметре* — никакого указания на произношение; при *Декарте* дается [дэ], а при «*Декамероне*» — никакого указания на произношение и т. д. Иными словами, Русско-японский словарь отражает непоследовательность в подаче орфоэпической информации для собственных имен Словаря ударений для работников радио и телевидения.

В отношении произношения аппелятивной лексики Русско-японский словарь проявляет больше самостоятельности по отношению к русским источникам. Так, для произношения слова *бог* кроме фрикативного конечного [x] в именительном падеже (в соответствии с рекомендацией Орфоэпического словаря и Словаря ударений для работников радио и телевидения) японский словарь дает вариантное произношение и для род. падежа этого слова: *бóга* [-g-] и [-γ-]. Отказ от традиционного произношения [γ] в косвенных падежах именно в этом слове нежелателен, более того, произношение [бóга] следовало бы культивировать, обращая на него внимание дикторов радио и телевидения и обучая ему в театральных школах. Произ-

ношение *Бог* [x], *Бо́га* [ʁ] в некотором роде является лакмусовой бумажкой, характеризующей литературное произношение, и его желательно было бы не только сохранить, но и восстановить в правах, как явочным порядком — и это можно только приветствовать — была восстановлена прописная буква в слове *Бог* в современной печати. И то, что произношение [ʁ] сохраняется и в косвенных падежах слова *Бог* в русско-японском словаре, лишь подтверждает безупречный языковой вкус, свойственный авторам Русско-японского словаря.

При передаче произношения весьма существенно не только то, что японский словарь берет из Орфоэпического словаря, но также и то, от чего он отказывается. Японский словарь решительно отказывается от передачи смягчения, а иногда и возможности вариантного смягчения или несмягчения согласных в таких, например, словах, как *обязательство*, *сочинительство*. Орфоэпический словарь дает их следующим образом: *обязательство*, -а Δ об *обязательстве* [сʰᵗᵇᵛᵇ и стᵇᵛ], *сочинительство*, -а Δ о *сочинительстве* [сʰᵗᵇᵛᵇ и стᵇᵛ], но в случаях, например, со словами *марксист*, *шовинист* — вариантность отсутствует: Δ о *марксисте* [сʰᵗᵇ], Δ о *шовинисте* [сʰᵗᵇ]. Этот громоздкий способ показа несущественной разницы в произношении не существует и для носителей русского языка. И логично, что от этой произносительной характеристики отказывается Русско-японский словарь. В некоторых случаях произносительные рекомендации Орфоэпического словаря представляются некорректными с точки зрения современного произношения. Так, слова *плотник*, *зидний*, а вместе с ними и *крольчатник*, *курятник*, *лягушатник*, *телятник*, *телятница* и некот. др. имеют произносительную помету [ᵗᵇᵇᵇ]. На с. 12 Орфоэпического словаря дается разъяснение, что знаком $\sim$ над двумя рядом стоящими буквами обозначается произношение согласных с одним затвором. Даже если согласиться с такой трактовкой (а она представляется более чем спорной, достаточно сравнить вариантное произношение слова *междугорбный* и *междугорбный* — в первом случае, по мысли авторов Орфоэпического словаря, произносится два звука, а во втором звук с одним затвором), смягченное обозначение этих сочетаний противоречит современному литературному произношению данных слов.

Поэтому отказ от передачи такой орфоэпической черты в японском слове представляется вполне оправданным.

Столь же показателен отказ в Русско-японском словаре от пометы «факультативно», используемой в Орфоэпическом словаре. Эта помета означает: «отсутствие редукции в словах иноязычного происхождения» (с. 11). Она дается, например, при словах *чайханá* [факульт. ча], *чако́на* [факульт. ча], однако при слове *ча́рьсто́н* указывается лишь произношение [ча], но отсутствует слово «факультативно», а при словах *чавы́ча* — *чавы́чá*, *чаба́н*, *чаба́ний* отсутствует всякое указание на произношение, хотя в них, скорее, произносится [а], чем закономерное для русских слов [и]. Русско-японский словарь вместо непонятной пометы «факультативно» дает вариантное произношение: *чайханá* [tʃ'i-/tʃ'a-], так же дается произношение слова *чако́на*. При слове *ча́рьсто́н* произношение дается без варианта [tʃ'a] — такая подача представляется более логичной.

Иными словами, авторы Русско-японского словаря ищут и находят свой способ передачи произношения, даже в тех словах, которые представлены в Орфоэпическом словаре. Как правило, способ передачи произношения в Русско-японском словаре оказывается более экономным. С наибольшей очевидностью такой подход проявляется при передаче произ-

ношения двойных согласных, весьма последовательно и во многих случаях избыточно (особенно это касается возможности вариативности двойных — одиночных согласных в абсолютном исходе слова) даваемых в Орфоэпическом словаре. В японском словаре сомнительные варианты произнесения [ван и ваин] и [бон и бонн] для слов *ва́нна* и *бо́нна* и многих других логично отсутствуют.

Такую характерную произносительную особенность, как [шн] на месте графического *чн*, Русско-японский словарь дает вслед за Орфоэпическим словарем, естественно, распространяя эту произносительную черту на больший круг слов, чем она дается в Орфоэпическом словаре. Например, непонятно, по какой причине отсутствующему в этом словаре слову *мо-ло́чная* — в Русско-японском словаре дается вариантное произношение [-iʃ'n/-[p-]. При слове *пи́сочница* в японском словаре произносительных помет не дается, как и в Орфоэпическом, хотя это слово должно было бы иметь указания на произношение. Разумеется, этот упрек следует адресовать не японскому словарю.

Таким образом, Русско-японский словарь отражает непоследовательность произносительных помет, представленных в Орфоэпическом словаре и в Словаре ударений для работников радио и телевидения, но в ряде случаев его передача оказывается более эконоомной и более точной, чем в словарях, имеющих произносительные пометы.

А к ц е н т о л о г и ч е с к а я х а р а к т е р и с т и к а с л о в. Прежде всего необходимо отметить специфическую особенность Русско-японского словаря — знаком ударения сопровождаются все слова и все формы слов, приводимые в словаре, независимо от того, являются ли они словами конкретной толкуемой лексемы или входят в качестве иллюстративного материала в любую другую лексему, т. е. в словаре нет слова русского языка, которое не имело бы на себе знака ударения. Такой способ акцентирования всего словесного материала кажется, на первый взгляд, избыточным, чрезмерным. Это, видимо, не только единственно возможный способ доведения русского разноместного ударения до носителей другого языка — в данном случае японцев, но не исключено, что он также мог бы быть уместен и полезен и в русских словарях для коренных носителей русского языка, достаточно часто испытывающих трудности с постановкой ударения.

Акцентологическая норма сравнительно хорошо проработана в русских словарях, и в ее передаче Русско-японский словарь сохраняет рекомендации русских изданий, являющихся для него источниками. Однако даже в этой относительно более проработанной языковой сфере авторы и редакторы Русско-японского словаря в ряде случаев выбирают более правильную позицию и дают рекомендации, более адекватные современной языковой норме.

Так, например, во всех русских словарях, в том числе и в специальных — Русское литературное произношение и ударение, в Грамматическом и Орфоэпическом — прил. *языко́вый* соотносится со значением «язык как средство общения». В последнем дается запретительная помета: ! не рек. *языко́вый*. Прилагательное же *языко́вый* соотносится непосредственно со значением «язык как орган». Однако если посмотреть с этой точки зрения только лингвистические термины, связанные с *язык* в значении «орган», то станет ясно, что в данном случае используется прилагательное *язы́чный* (этот факт был отмечен в Русском литературном ударении и произношении): *задняязы́чный*, *передняязы́чный*, *среднеязы́чный*, *надъязы́чный*, *подъязы́чный*; то же в медицинской терминологии: *язы́чно-лицевой* (нерв),

язычно-надгортанный, язычно-небный; это же прилагательное используется и при описании морфологии животных: «связь языка с *подъязычным* скелетом», «*подъязычно-жаберный* скелет» и проч. (Биологический энциклопедический словарь. М., 1986.) Не встретилось ни одного случая, когда прилагательное *языковый* относилось к языку в значении «орган».

Прилагательное *языковый*, относящееся к *языковой колбасе*, в настоящее время можно рассматривать не иначе, как фразеологизм. Толкование для этого сочетания «сделано из» в ближайшей синхронии можно рассматривать лишь в ироническом контексте. (Достаточно показательно в этом плане название статьи в Лит. газете от 13 авг. 1989 г. «Ухо-горло нос-ноги-вымя хвост Агропрома».) В Офографическом словаре 1956 г. под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро давалось: *языко́вый (языко́ве явление), языко́вый (языко́вая колбаса)*. Такое распределение акцентных форм прилагательных более соответствует современной языковой действительности, хотя вариант *языко́вый* вполне может относиться и к «языку как средству общения»: произношение *межъязыко́вые контакты* встречается достаточно часто, хотя Орфоэпический словарь его не рекомендует; вполне возможно, что оно станет более употребительным, поскольку произношение *языко́вый* поддерживается многочисленными сложными прилагательными типа *языко́во-письменный, языко́во-стилевой, языко́во-стилистический, языко́в-отерриториальный* и под.

Русско-японский словарь вопреки рекомендациям всех современных словарей дает такое распределение акцентных форм прилагательных *языко́вый — языко́вый*: *языко́вой: -ва́я структура, -во́е явления / -во́е чутье / -во́е родство*; *языко́вый: -ва́я колбаса*. Эта рекомендация больше соответствует реальному распределению форм *языко́вой — языко́вый* в современном употреблении.

Не следует Русско-японской словарь нелогичному и непонятному распределению значения слова *фено́мен*, данному в Орфоэпическом словаре: *фено́мен*¹, -а! не рек. *феноме́н* ☐ Научный термин. *Фено́мен* памяти. *фено́мен*², -а и доп. *феноме́н*, -а ☐ О редком, необычном, исключительном (чаще о человеке). Он настоя́щий фено́мен и доп. феноме́н.

Распределение значения слова и в соответствии с этим распределение возможности или недопустимости произношения *феноме́н* не отвечает смыслу и толкованию этого слова в словарях, — например, в Словаре иностранных слов и в Словаре русского языка С. И. Ожегова, и тем более — в сознании носителей языка, а вместе с неправильным истолкованием отпадает связываемая с ним градация в выборе ударения. В Русско-японском словаре это слово дается как имеющее вариантное ударение *фено́мен/феноме́н*, что полностью соответствует его реальному употреблению в современном литературном языке.

Эти два примера приведены для того, чтобы показать, насколько авторы и редакторы Русско-японского словаря самостоятельны при выборе акцентологических рекомендаций. Приведенные примеры с достаточной очевидностью демонстрируют, что они выбрали рекомендации, более адекватные современному ударению.

Но кроме основного ударения, в Русско-японском словаре отмечается и побочное ударение. В русской лексикографии принципы постановки побочного ударения не разработаны. Побочные (неосновные) ударения выборочно и непоследовательно отмечаются специальными словарями — такими, как Русское литературное ударение и произношение, Грамматический словарь, Словарь ударений для работников радио и телевидения и Орфоэпический словарь. Во всех остальных словарях практикуется

графический способ постановки ударения, т. е. слово имеет только одно ударение, самостоятельное ударение ставится на дефисно-пишущихся частях слов. При таком подходе отсутствие ударения на слитно-пишущихся частях сложных слов (например, в словах *жизнеобеспечение*, *железодобывательный*, *железнодорожный*) не означает его отсутствия при их произнесении.

Когда же в специальных словарях избирается иной способ — специальным знаком (') отмечается побочное ударение, то его отсутствие в сходных или однотипных акцентных ситуациях является показателем его отсутствия при произнесении. В действительности же отсутствие побочного ударения ничего не означает: оно лишь демонстрирует, что авторы данного словаря его в этом слове не поставили.

Непоследовательность в постановке побочного ударения внутри одного словаря в однотипных группах слов и между словарями в одних и тех же словах такова, что она практически исключает возможность использовать эту акцентную характеристику при произнесении. Почему, например, в Орфоэпическом словаре слова *горнозаводский* и *горнозаводчик* имеют побочное ударение, а слова *горнолыжник* и *горнолыжный* его лишены? В словаре «Русское литературное произношение и ударение» эти слова имеют прямо противоположные рекомендации, т. е. *горнолыжник* и *горнолыжный* в нем имеют побочное ударение, а *горнозаводский* и *горнозаводчик* — нет. Почему в Орфоэпическом словаре слово *высокообразованный* не имеет побочного ударения, а *высokoобразованный* его имеет, почему *гетерогенез* имеет побочное ударение, а *гетерогенный* — нет, почему *гидропривод* дается с побочным ударением, а *гидропóника* — без оногo, почему все слова с *цельно* (*цельнокáтанный*, *цельнометаллический*, *цельномоблотый*, *цельносварной*) имеют побочное ударение, а слово *центростремительный* его не имеет и т. д. и т. п.

Авторы Русско-японского словаря были поставлены в чрезвычайно трудные условия: им приходилось не только заимствовать это отсутствие логики в постановке побочного ударения в русских словарях-источниках, но и каким-то образом оснастить побочным ударением значительно больший объем представленных в этом словаре слов. Так, например, в группе слов с *горно...* (а их около 20) побочное ударение дается более последовательно, чем в Орфоэпическом словаре. В других случаях сохраняются побочные ударения, отмечаемые русскими словарями: вслед за Орфоэпическим словарем слово *злотодобывающий* дается с побочным ударением, а *золотопромышленник*, *золотопромышленность*, *золотопромышленный* — без него, хотя на наличие и в этих словах побочного ударения недвусмысленно указывает отсутствие редукции в первой части сложных слов.

Особенно деструктивной оказывается постановка побочного ударения в односложных сокращениях в Орфоэпическом словаре. Так, слова *госбанк*, *спецкурс*, *спецшкола* и другие подобные даются с побочным ударением. В русском языке произнести в одном слове два рядом стоящих слога с ударением весьма затруднительно, если не невозможно. Логичнее было бы в подобных словах показывать отсутствие редукции: *госба́нк* [o], *спе́цкурс* [e], *спе́цшко́ла* [e] и т. д.

Таким образом. Русско-японский словарь лишь делает еще более явным тот недостаток, который свойствен нашим специальным словарям.

VI. Русско-японский словарь обладает еще одной особенностью по сравнению с современными русскими словарями: он гораздо толерантнее относительно разного рода вариантов слов — морфологических, орфо-

графических и пр. Отчасти эта тема уже затрагивалась когда речь шла о сведениях двух самостоятельных норм — лексикографической и энциклопедической, но Русско-японский словарь включает и варианты слов, существовавших ранее или существующих в современной печати независимо от того, представлены они в энциклопедиях или нет.

Современные русские словари, как в зеркале, отражают нормализаторский аскетизм их авторов: правильным должно быть только одно, выбора не должно и не может быть, иными словами — «другого не дано!». В соответствии с этими взглядами слово *зал* словари дают только в мужском роде. Между тем в XIX в. господствующей формой этого слова была форма женского рода. И писатели XX в., наследуя язык XIX в., сохраняют эту форму в своем употреблении (Б. Пастернак — «Охранная грамота» и «Доктор Живаго»; Марк Алданов — «Святая Елена, маленький остров»; Анастасия Цветаева — «Зимний старческий Коктебель» и многие другие).

Подача слова *зал* в современных словарях только в мужском роде приводит к явным анахронизмам. Так, авторы книги о Н. Н. Пушкиной Н. Ободовская и М. Дементьев, переводя с французского письма Натальи Николаевны, используют форму мужского рода, между тем как в русских письмах Н. Н. Пушкиной, цитируемых в этой же книге, слово *зала* неоднократно употребляется только в женском роде. И появляющийся в переведенных письмах «зал» звучит как фальшивая нота. В Русско-японском словаре приводятся оба варианта — и *зал* и *зала*. Кроме слова *кофе*, в нем даются *кофей* и *кофий*. Об употребительности этих вариантов в наше время могут свидетельствовать такие примеры: — Это же дискотечный бар. А в баре варят отличный *кофий*, то есть *кофе*; — Тогда мы съедем не по две пачке пельменей, а по три. — И *кофий* будем пить кружками (Ст. Родионов, Запоздалые истины).

С поразительной точностью, отражающей реальную языковую практику, в Русско-японском словаре приводятся и орфографические варианты слов: *визига* и *вязига*. Последний вариант встречается гораздо чаще, чем первый, несмотря на однозначные рекомендации Орфографического, Орфоэпического и др. словарей, рекомендующих писать *визига* (например: Но оптимисты порой забывают, что кистеперая рыба давно была, известна местным рыбакам, смаковавшим ее *вязигу*. — Химия и жизнь, 1989, № 3; *вязига* написано на упаковочных коробках с этим продуктом и т. д.).

На своем алфавитном месте приводится *кащей* с указанием, что слово с этим написанием равно *кощей*. Кстати, написание *кащей* в современной орфографической практике встречается значительно чаще, чем рекомендуемое Орфографическим и другими словарями написание *кощей*. Так, в 1986 г. вышел на экраны фильм о *Кашее Бессмертном*. В афишах этого фильма, в рецензиях на него в Лит. газете, в Сов. экране и в др. изданиях это слово последовательно писалось через *а*: *кащей*.

В двух написаниях дается в Русско-японском словаре и относительно новое заимствование *офис* = *оффис*. Орфографический словарь русского языка явно поторопился ввести это слово в написание через одно *ф* — распространять на него те же правила, которые привели к написанию с одной буквой таких слов, как *коридор* и *галерея*, едва ли правомерно. Ведь сохраняются двойные согласные в более давних заимствованиях, например, *аффектация*, *коммерция*, *коммивояжер* и мн. мн. других. Слово *офис* слишком недавно было заимствовано: не следует спешить порывать в его письменной форме с языком-источником и создавать тем

самым дополнительные трудности для людей, знающих английский (для тех же, кто его не знает, безразлично, в каком виде его заучивать, — с одной или двумя *ф*). В русском следовало бы предпочесть орфографическую кальку — *оффис*, тем более, что часто встречающийся «Форин Оффис» пишется только с двойным *ф* (см., например, СЭС, Словарь ударений для работников радио и телевидения и др.).

Русско-японский словарь явился плодом большой и тщательной работы его авторов и редакторов. Именно уважение к их труду заставляет не оставить без внимания замеченные недочеты словаря. Так, приводя в алфавитном порядке имена собственные и нарицательные, авторы Русско-японского словаря вначале (т. е. выше) ставят нарицательное, а за ним (т. е. ниже) имя собственное, послужившее основой для слова, например, вначале идет апеллятив *наполеон*, а ниже — *Наполеон*, сначала апеллятив *бордо*, за ним *Бордо*, сначала *атлас*, за ним *Атлас*. Такой порядок слов проведен последовательно по всему словарю, однако, с нашей точки зрения, логичнее было бы вначале ставить имена собственные, явившиеся основанием для появления соответствующих апеллятивов, а за ними давать образованные от них апеллятивы, т. е. сначала *Наполеон*, ниже — *наполеон*, сначала *Бордо*, ниже — *бордо* и т. д. Это тем более существенно, что иногда порядок должен быть обратный, т. е. в тех случаях, когда от апеллятива образовалось имя собственное, например, *асбест* и название города на Урале — *Асбест*. Для этого случая порядок слов в Русско-японском словаре — сначала *асбест*, а за ним *Асбест* — оправдан.

Представляется странной форма словарной подачи наименований детенышей во множественном числе. Они даются так: *зайча́т*, *-ча́та* — *зайчо́нок*, т. е. исходной формой оказывается форма родительного падежа, а не именительного. Так же даются: *лебеда́т*, *дя́та*; *медвежа́т*, *-жа́та*, *лися́т*, *-ся́та* и некот. др. Но слово *волча́та* дается иначе (с нашей точки зрения, именно так, как и следовало бы дать всю группу): *волча́та* → *волчо́нок*, а при *волчонке* даются все формы: *волчо́нок*, *-нка*, *-ча́та*, *-чат*. Правильно даются формы и у слова *княжа́та*, *-жат*. У слова *галчо́нок* форма мн. числа в отдельную словарную статью не вынесена, они даны при форме ед. числа: *галчо́нок*, *-нка*; *ча́та*, *-чат* (очевидно, потому, что эта форма по алфавиту должна была стоять рядом со словом *галчо́нок*), так же дано и слово *салажа́нок*, *-нка*, *салажа́та*, *-жат*. Отдельная подача форм *медвежата*, *лисята*, *зайчата* в Русско-японском словаре оправдана и целесообразна, она облегчает для японцев поиск исходной формы далеких друг от друга образований, но исходной должна быть выбрана форма именительного падежа, а не родительного.

Вызывает возражение выбор ударения для слов *гамлётровский*, *гамлётовщина* в группе *Га́млет*, *гамлетизм*, *гамлётровский*, *гамлётовщина*. Такое ударение связано с устаревшим произношением исходного имени *Гамлёт* (Ты должен оправдать *Гамлэта* имя — в переводе Н. Полевого). В современном произношении эти слова имеют ударение *га́млетовский* и *га́млетовщина*. Именно с таким ударением прилагательное *га́млетовский* дается в Орфографическом словаре и Словаре ударений для работников радио и телевидения. Возможен и другой подход — дать оба ударения: *га́млетовский* и *гамлётровский*, *га́млетовщина* и *гамлётовщина*, но тогда следовало бы дать оба ударения и на исходном имени *Га́млет* и *Гамлёт*.

Разумеется, есть в Русско-японском словаре и опечатки, хотя замечено нами их было совсем немного, особенно немного, если иметь в виду весь огромный корпус словаря. Можно только поразиться и в этом случае тщательности произведенной работы.

Итак, с 1988 г. Русско-японский словарь начал свою работу. Это действительно мост, построенный между двумя отдаленными языковыми материками. Мост, их связывающий и потому объединяющий. Построенный японцами (при участии русских авторов), он сделан, как и положено хорошим мостам, с запасом прочности. Произведенная работа и результат, который ею достигнут, внушает уважение. Задуманный и исполненный ради японцев, по тем или иным причинам обращающихся к русскому языку, этот словарь стал одновременно явлением русской лексикографии. Он вошел в русскую лексикографию в важный момент развития нашего общества и русского языка. Завершился период, скромно именуемый периодом застоя. Даже язык приспособлялся для выполнения строго предписываемых ему функций: «Но и русский язык — мы теряем его в России, а не в Молдавии, не в Эстонии. Его так цинично использовали для общегосударственных пропагандистских нужд — а эта сфера у нас беспречно широкая, — что как бы ... лишили его жизни, как ни чудовищно звучат эти слова. В официальных письменных текстах происходит деградация русского языка» [5].

Русские словари этого времени оказываются бесстрастным зеркалом, отражающим жизнь общества. Показательно все — лексика, которая включена, и лексика отсутствующая, какие слова являются частотными и какие — редкими и даже редчайшими. Сравнение с европейскими языками в отношении частотности некоторых групп лексики (например, нравственной проблематики). Показательна и нормативная направленность словарей этого периода — стремление к максимальному упрощенчеству рекомендаций. Как правило, эти рекомендации извлекаются из других словарей и переходят в следующие. При этом вне пределов внимания оказываются языковые явления и процессы, происходящие в реальной языковой жизни. На Московском кинофестивале 1989 г. существовала особая программа «Кино тоталитарной эпохи». Словари не в меньшей степени, чем кино, отражают названную эпоху. Показательно, что в последнее время стало заметно более частым обращение к Словарю В. И. Даля. На заседаниях Съездов Советов и Верховных Советов депутаты, а также дикторы и участники московской и ленинградской программ телевидения обращаются к Словарю Даля: например, толкование слова *свобода* М. А. Захаров (в программе «Киносерпантин» 8 окт. 1989 г.) дает по этому словарю. Однако почему по Далю, разве этого слова нет в других, более близких нам по времени словарях? Такое обращение к Словарю Даля, скорее всего, является актом неосознанным, но тем более показательным.

Новое время в жизни общества прямым образом отражается в языке. Язык начинает занимать едва ли не главенствующее место в духовном обновлении общества. Уже нельзя урезанный и донельзя упрощенный русский язык адресовать национальным республикам: такой «извод» русского языка вызывает естественное отторжение у других национальностей. Краткие словари должны, очевидно, составляться совершенно по иным принципам, чем составались имеющиеся у нас. Одновременно нужны и иные полные словари. В ряду происходящих исторических событий факт появления такого словаря, как Русско-японский словарь, имеет чрезвычайное значение для русской лексикографии. Особое значение имеет то, что он сделан, с любовью и тщанием, коллективом японских русистов во главе с профессором Масанобу Того, т. е. людьми, смотрящими на русский язык со стороны, находящимися вне лексикографической «кухни». Такая позиция позволила им создать независимый объективный словарь.

Для русской лексикографии это — нечаянная радость. Следует с максимальной полнотой и рациональностью распорядиться открывающейся возможностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русско-японский словарь / Под ред. Того М., Сомэя С., Исоэ Т., Исияма С. [Токио], 1988. 2764 С.
2. Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.
3. Гозман Л., Эткинд А. От культа власти к власти людей // Нева. 1989. № 7. С. 160.
4. Вознесенский А. Три бабочки культуры // Красная книга культуры? М., 1989. С. 96.
5. Чудакова М. В поисках утраченного отечества // Лит. газета. 1989. 20 сент.